
Ю. Г. МАРКОВ

НА ПУТИ К ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В статье показано, что становление духовно-нравственной цивилизации во многом зависит от используемых в обществе форм собственности. Важна тесная связь личности и общества, которой не было и нет ни при социализме, ни при капитализме. Современная Россия заметно слабеет в социально-гуманитарном отношении. Статья подводит к выводу, что духовно-нравственное общество предполагает гармонию человека и общества в рамках самоуправляемых (кооперативных) систем.

Ключевые слова: духоборы, духовно-нравственные отношения, собственность, коллективизм.

Накопленный исторический опыт наводит на мысль, что перспективы духовно-нравственной цивилизации нельзя считать надежными в условиях культа разума, при котором всячески возвышается роль знаний, а требования природы, отраженные в нравственных законах поведения, отодвигаются на второй план. Между тем все, что мы делаем в обществе, не может и не должно расходиться с базовыми ценностями, от которых зависит системная целостность общества и сам факт его сохранения как природно-биологического образования. Исходя из этого, важно привести основные параметры социальной системы в соответствие с базовыми ценностями. Одним из таких параметров являются отношения собственности в обществе. С них мы и начнем выявлять контуры будущей духовно-нравственной цивилизации.

Кажется удивительным, что на Руси издревле существовал духовно-нравственный тип жизни в рамках так называемой общины духоборов. Они пропагандировали равенство людей перед Богом, фактически поклоняясь природе, и не признавали подчинение какой-либо политической власти в лице государства. Возможно, это

явилось одной из важных причин того, что в начале XIX в. Александр I приказал духоборам России переселиться на пустынные тогда земли Крыма (Таврия), у берегов реки Молочной. Сами духоборы не противились такому решению, поскольку не желали смущать покой окружающего их в России православного населения. У духоборов существовала коллективная собственность на земли, скот, различные технические средства по ведению хозяйства. Это не мешало сохранить семью, которая проживала в отдельном доме и имела в своем распоряжении личное имущество. Работали же сообща, имея общую казну, поровну распределяя произведенные продукты. Старики, больные и одинокие члены общины проживали в так называемом «сиротском доме», получая все необходимое для жизни. Хотя духоборы Таврии проживали селами, существовал единый совет управления общиной, созданный представителями от сел. Во главе совета стоял авторитетный руководитель, признаваемый всей общиной¹.

Духоборы отличались от остального русского населения более высокой степенью развитости, полным отсутствием склонности к табаку и алкоголю, высокой работоспособностью. Их поселения находились в цветущем состоянии. И хотя духоборы были исключительно миролюбивы и доброжелательны, исправно платили подати, губернские начальники и церковь не оставляли их в покое, жаловались царю Александру I на то, что своим образом жизни духоборы подрывают основы православной церкви, готовы укрывать у себя беглых крестьян и дезертиров. И хотя община разрослась до 20 тысяч человек, в 1840 г. новый царь Николай I распорядился выслать ее в Джавахетию (горный район Грузии), расположенную на границе с Турцией. Оставляя свои дома, духоборы мыли полы и окна, накрывали стол, ставили хлеб, соль и воду для новых поселенцев, целовали и благодарили землю, которую покидали. Поразительно, что на новом месте, расположенном на высоте 2000 м над уровнем моря, обладавшим суровым климатом, духоборы сумели наладить свое хозяйство, проявили стойкость и смекалку, необычайное трудолюбие, способность выживать в условиях недоброжелательности со стороны внешнего населения.

---

¹ Лисициан Т. Тернистый путь духоборов // Молодая гвардия. – 1991. – № 4. – С. 69–73.

Из-за опасности преследования часть общины духоборов (около 7500 человек) переехала на целинные земли Канады. Однако коллективный образ жизни вызвал опасение и здесь. К тому же канадские фермеры не могли конкурировать с духоборами на рынке сельхозпродукции. Канадские власти потребовали заменить коллективное землевладение частным. Пытаясь сохранить свои идеалы, духоборы переселились на дальний запад Канады (Британская Колумбия), где снова организовали свое жизнеустройство на общинный лад в соответствии со своими идеалами. Сохранив основы своей русской культуры, духоборы вошли в Федерацию русских канадцев в качестве коллективного члена с 1967 г. Пропагандируя везде, где можно, идеалы коллективной жизни, духоборы даже создали Комиссию по будущности. Основная цель – борьба за духовность и нравственность человеческого общества, против зла и насилия. Центр «Духобории» расположен в Кордильерах на берегах рек Кутней и Колумбия, в районе живописных озер, где созданы уютные городки и поселки. Распространенный вид жилья – комфортабельные одноэтажные домики с огородами, окруженные стриженными лужайками. В домиках, на верандах и лужайках много цветов, которые составляют обязательную часть общего интерьера.

Исключительное трудолюбие и взаимопомощь сделали «Духоборию» райским уголком на Земле с великолепно налаженным хозяйством, использующим первоклассную сельскохозяйственную технику. Даже насильственное внедрение частной собственности не нарушило коллективного образа жизни, породив кооперативные формы хозяйства, сохранив традиции взаимопомощи и взаимной поддержки, высокие образцы русской культуры. Русских гостей, приезжающих к ним из других государств, включая Россию, встречают как родных, приглашая жить в своих семьях. Эти семьи отличаются крепостью, особым вниманием к детям и пожилым людям, под одной крышей могут дружно жить несколько поколений. Духоборы удивляют своей жизнерадостностью, приветливостью и общительностью. Деятельный характер и сила духа помогают им преодолевать сложности и трудности жизни. Они могли бы быть образцом жизнеустройства в России, которую они рассматривают как родину предков. Именно здесь, в России, могла бы возникнуть духовно-нравственная цивилизация будущего.

Иногда говорят, что нравственный долг каждого человека – творить добро другому в порядке сотрудничества и взаимопомощи – является собой важнейший принцип коммунистической этики². С этим трудно не согласиться, но этот нравственный долг проистекает из общих принципов этики. Сотрудничество и взаимопомощь являются условиями выживания в ходе эволюционного процесса, протекающего в природе, и лишь при наличии человеческого сознания обнаруживают нравственный смысл. Моральное сознание хотя и определяется общественными отношениями, которые сами люди строят и изменяют, но оно, тем не менее, является фундаментальным регулятором человеческой деятельности, а не просто ее пассивным итогом. Поэтому говорить о новой парадигме этики в условиях коллективной (кооперативной) собственности было бы не совсем корректно. Скорее наоборот: строя различные парадигмы отношений собственности, человеческий разум оторвался от своих этических оснований, как он оторвался от самой природы, и даже попытался стать ее господином. Подобным образом разум хотел бы господствовать над нравственностью, задавая ей те формы, которые он почитает нужным. Такая установка выглядит нелепой. Гораздо более важно взглянуть в этике фундамент разумной деятельности.

В русской классической философии человек рассматривался прежде всего как носитель духовно-нравственных ценностей и только потом как экономический деятель. Так считал, в частности, В. Соловьев (1853–1900), который рассматривал экономические отношения всего лишь как особую область приложения нравственных норм³. Частное богатство он считал возможным нравственным образом употребить для общего блага. Некий утопизм в воззрениях В. Соловьева, жившего в XIX столетии, можно простить. Сегодня же в России практически всем стало ясно, что «частная собственность не приводит к общему росту жизненного уровня населения, а обогащает ничтожную по численности элиту»⁴. Однако и сегодня

² Копытов А. Д., Турченко В. Н. Методология исследования образовательных систем: философия образования, инновационная практика и механизмы управления. – Томск, 2008. – С. 73.

³ Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия / В. С. Соловьев // Соч.: в 2 т. – М., 1988. – Т. 1. – С. 417.

⁴ Петраков Н. К вопросу об интеграции России в мировое сообщество // Мир перемен. – 2010. – № 4. – С. 51.

мало кто знает, можно ли вырваться из этой западни и как это сделать. Н. Петраков ратует за интеграцию России в мировое сообщество при соблюдении национальных интересов, хотя не может привести никаких аргументов в пользу того, что такое соблюдение действительно возможно. Катастрофичность ситуации видится хотя бы в том, что темпы прироста заболеваемости в России растут. Это касается в полной мере и заболеваний детей в возрасте до 14 лет.

Духовно-нравственное отношение к труду предполагает достижение разумного достатка, отказ от добывания денег любой ценой, исключение эксплуатации, ростовщичества. Труд нацелен на созидание и в этом качестве выступает смыслом жизни. Производимые материальные блага хотя и имеют важное значение, являются всего лишь средством, но не смыслом жизни. Труд становится возможным благодаря разуму, но подчиняется законам нравственности. Разумная деятельность, нарушающая эти законы, делает труд самоубийственным, разрушительным фактором для общества и природы. К тому же разрушение всегда легче, чем созидание. Исторически сложившееся отношение к труду в силу естественных процессов и, значит, с соблюдением нравственных требований становится своеобразной базой для дальнейшего созидания. Революционные перевороты и категорический отказ от своего исторического прошлого ведут общество в тупик, что мы и видим на примере России. Д. И. Менделеев писал: «Чтобы предстоящий путь был по возможности прогрессивным, он не должен отрицать прошлое. Разрушить исторически сложившееся легко, но не придется ли скоро жалеть о разрушенном?»⁵

Современная православная церковь в России стремится к тому, чтобы в обществе утвердилась этика предпринимательства, основанная на заботе о благе своего народа и исключая бесчестные действия⁶. Но при этом упускается из виду, что частная собственность исключает нравственность в самой своей основе и что обогащение – основная цель предпринимательства. Либерально-рыночная экономика следует правилу: все эффективное морально,

⁵ Менделеев Д. И. Заветные мысли. – СПб., 1903–1904. – С. 183.

⁶ Архимандрит Марк (Головков). Христианские принципы экономики // Россия и рынок. – 2001. – № 1. – С. 2–3.

а все неэффективное – аморально. Такая «этика» неприемлема для подлинно нравственной экономики. Последняя носит созидательный, а не потребительский характер в точном соответствии со смыслом труда, способного избежать зла и разрушения. Общество процветания может быть создано лишь на духовно-нравственной основе, которая неизбежно утрачивается в условиях частнособственнических отношений. Похоже, что христианская церковь забыла кооперативные принципы трудовой жизни, рожденные в ходе естественного развития общества.

Русская традиция придавала особую значимость праву собственности, определяющему весь гражданский порядок и составляющему точку опоры свободно действующего человека. С этой точки зрения коммунизм с его беспрецедентными масштабами обобществления всего и вся представляется противоестественным. Русский философ И. Ильин подчеркивал искусственный, а следовательно, насильственный характер коммунизма в его марксистской трактовке, протестуя против отмены частной собственности⁷. Такая отмена в интересах исключительно государственной собственности, как это случилось после социалистической революции, означала массовое избиение людей: другого пути не было. Универсальность государственной власти и воли означала подавление духовного начала в человеке, покушение на те чувства и навыки поведения, которые стали принадлежностью человеческого инстинкта и которые по этой причине неискоренимы. И, конечно же, духовная жизнь, включая православие, вносила соответствующие коррективы во все экономические программы на различных этапах русской истории. В понятии собственности именно духовно-нравственные аспекты брали верх. При этом материальные ценности как бы отступали на второй план, отдавая предпочтение идеям соборности, общинности, артельности, а позднее и кооперации с ее коллективно-долевой собственностью. Причем кооперативная собственность могла бы рассматриваться как особая форма коллективной (и, заметим, негосударственной) собственности, дающая простор личной инициативе. Неизбежность подобных особенностей русской истории объясняется тем, что «психология нравственности, социальной

---

⁷ Ильин И. А. О частной собственности / К. Исупов, И. Савкин // Русская философия собственности. – СПб., 1993. – С. 123.

справедливости, истины и доброты всегда довлела над русскими душами»⁸. Напомним в этой связи: хотя быть частным собственником земли в дореволюционной России не запрещалось, крестьяне имели в своем распоряжении лишь около 6 % земли (накануне столыпинской реформы). Итог земельной реформы Столыпина был тоже неутешительным: было выкуплено в частную собственность всего 4,3 % посевных площадей⁹. Между тем численность крестьянского населения Российской империи составляла 83 %. Земледельческая община была стержнем крестьянской жизни. Возможно, именно это обстоятельство помогло открыть принципиальную возможность социального развития вне западной модели права собственности с ее чрезмерной индивидуализацией¹⁰.

И сегодня сельское хозяйство России получило весьма внушительный урок в ходе либерально-рыночных реформ. Дошло до того, что выпавшие из сельхозоборота земли (около 40 млн га) вновь осваивать уже некому. Российские деревни превратились фактически в огромную зону бедствия и нищеты. Социальная сфера села, включая жилищные условия, пришла в упадок. Лечиться селянам стало намного труднее. Молодые покидают село при малейшей возможности. По сравнению с 1990 г. число школ на селе к 2010 г. уменьшилось на 25 %, детских садов – на 53 %, клубов – на 30 %. В период между двумя последними переписями населения Россия утратила 10,7 тысяч населенных пунктов в сельской местности¹¹. К тому же растет число сел, не имеющих постоянных жителей, достигая в ряде регионов 40–50 %. Продовольственная безопасность страны за счет собственного производства не только утрачена, но фактически уже не может быть восстановлена в рамках существующего социально-экономического устройства. Любая форма организации хозяйственной жизни на селе, кроме кооперативных, оказалась убийственной. За 100 последних лет это пора было понять.

⁸ Шухов Н. С., Щербаков В. Н. О духовной сущности русской философии собственности // *Собственность в XX столетии*. – М., 2001. – С. 142.

⁹ Кара-Мурза С. Г. Продажа земли: кто найдет и кто потеряет? – М., 1998. – С. 25–27.

¹⁰ Рубаник В. Е. О своеобразии и уникальности русской традиции права собственности // *История государства и права*. – 2009. – № 12. – С. 21.

¹¹ Буздалов И. Тревожный симптом угрозы национальной безопасности России // *Общество и экономика*. – 2011. – № 3.

В сельском хозяйстве нынешней России уже давно прекратилось внедрение научных достижений, и даже объемы мелиорации (орошение, осушение, известкование, гипсование) сократились почти в 10 раз. И хотя Россия имеет около 9 % мировых сельскохозяйственных земель, она производит лишь 1,5 % сельхозпродуктов от мирового ВВП. За двадцать лет (с 1990 по 2010 г.) объем производства отечественных тракторов сократился более чем в 15 раз, а комбайнов – в 10 раз. За время «реформ» с географической карты России исчезло почти 30 тысяч сельских поселений. Государство оставило всякую заботу о селе, а кооперация в сельском хозяйстве так и не возродилась.

Среди существующих сельхозпредприятий России 80 % обладают признаками банкротства в той или иной степени. Финансовая поддержка сельхозпроизводства со стороны государства в период 2007–2010 гг. была почти в 10 раз меньше минимально необходимой. А вступление России в ВТО окончательно довершит дело: финансовая поддержка аграриев становится символической. Механизм управления в агропромышленном комплексе в правовом отношении весьма несовершенен. Создание корпораций в виде союза акционеров здесь вряд ли поможет. Важно другое – отказ от наемной формы труда в пользу кооперативных хозяйств и союзов. Причем продовольственные рынки должны оказаться в руках кооперативных союзов.

Ныне мы находимся в зависимости от недоброкачественной импортной продукции. А между тем по своим сельскохозяйственным возможностям Россия могла бы прокормить не только себя, но и еще половину Европы. По данным 2007–2009 гг. сельскохозяйственное производство современной России фактически превратилось в обширную зону рыночной эксплуатации, выдавая 1,2–1,3 трлн р. из полученного валового дохода в пользу государственных и рыночных структур (переработчиков, посредников, торговцев, перекупщиков, спекулянтов и т. д.) и возвращая себе только 1/10 часть этого дохода. Бюджетная поддержка сельскохозяйственной сферы представляется смехотворной. Даже в рамках этой поддержки непосредственные производители сельхозпродукции получают лишь 1/4 часть. Остальное идет на содержание управленцев, обслуживающих структур, на поддержку Россельхоз-

банка, Росагролизинга и т. д. Подобная ситуация является совершенно нетерпимой, не имеющей никаких оправданий.

Тем более не может быть оправданием нынешний финансово-экономический кризис. Уместно будет напомнить, что для правительства США случившийся кризис послужил основанием для увеличения бюджетной поддержки аграриев. В период 2008–2010 гг. она возросла с 92,9 млрд до 134,2 млрд долларов. В России при сопоставимой численности сельского населения бюджетные назначения в аграрный сектор уменьшились с 5 до 3,5 млрд долларов. Даже земельная рента полностью изымается из сельского хозяйства. На этом фоне кажется странным, что природная рента добывающих отраслей в значительной мере присваивается предпринимательскими структурами этих отраслей. Нужно ли удивляться тому, что кредиторская задолженность сельских товаропроизводителей имеет угрожающие размеры. Например, в 2009 г. она составляла почти 1,3 трлн р. Есть все основания говорить о фактическом банкротстве сельскохозяйственной отрасли России.

Ныне в России все делается во имя частной собственности и частных собственников. Казалось бы, нет ничего плохого в том, что частный собственник обнаруживает готовность брать на себя в добровольном порядке бремя обязанностей и ответственности перед Богом и обществом. Но не следует забывать и того, что этот вид собственности в силу объективных причин всегда будет подталкивать к несправедливым решениям, эгоистическим устремлениям, обману и корыстным наклонностям в ущерб нравственности. Понимание этого обстоятельства уже имело место в России до Октябрьской революции 1917 г. А поэтому замещение традиционной частной собственности коллективно-долевой собственностью, исключающей сам факт наемного труда, стало естественным и даже обязательным, как только в России начала последовательно проводиться национальная политика во время царствования Александра III. Неприемлемость для России также госкапитализма (социализма) с его универсальной государственной собственностью вовсе не означает, что следовало любой ценой цепляться за идеологию частной собственности в ее классической европейской форме. В России конца XIX – начала XX в. была возможность проложить путь, пролегающий между Сциллой и Харибдой, между капита-

лизмом и социализмом (коммунизмом), что гарантировало бы нашей стране ускоренный рост и процветание. Отказ от национального пути развития, связанного с закреплением и развитием методов общественного самоуправления, оказался губительным, и нам следовало бы уже давно это осознать. Открывшаяся возможность строительства духовно-нравственной цивилизации в русле российских культурно-исторических традиций могла бы спасти ситуацию, открыв дорогу в будущее.

В свое время Советский Союз продемонстрировал, что принцип коллективизма, реализованный в условиях государственной собственности, не может быть в полной мере последовательным, затрудняя самовыражение личности, порой даже подавляя личность. Этим обстоятельством ныне пользуются сторонники капитализации России, утверждающие, что преклонение перед принципом коллективизма само по себе плохо, поскольку влечет за собой нравственное и духовное страдание не только индивида, но и всего общества¹². По мнению А. Ципко, культура и прогресс держатся исключительно на индивидуальной инициативе, развитой потребности в самовыражении. При этом он оставляет в стороне тот очевидный факт, что все эти качества обуславливаются обществом. Личность и общество связаны гораздо теснее, чем мы думаем. Мы забываем о том, что индивидуальная инициатива может порождать преступные и аморальные формы бизнеса, что потребности в самовыражении могут быть и у главаря банды, у пробравшегося во власть мошенника, проститутки. Принцип коллективизма, способного сохранять качества человека, стимулирующего развитие его интеллектуально-трудовых возможностей, очень трудно (если вообще возможно) совместить с принципом наемного труда. Последний был благополучно унаследован Советским Союзом от капитализма, несмотря на его критику. В современной России принцип наемного труда гармонично соединился с либерально-рыночной хозяйственной системой.

Распределение благ в обществе может происходить либо с помощью рынка (западная модель экономики), либо с помощью различного рода распределительных механизмов (восточная модель

---

¹² Ципко А. С. Можно ли изменить природу человека? // Освобождение духа / под ред. А. А. Гусейнова, В. И. Толстых. – М., 1991. – С. 89–90.

экономики). Хотя в политико-экономических исследованиях нередко пишут о желательности конвергенции этих двух моделей, на практике их смешение происходит со значительными трудностями. Западная и восточная хозяйственные системы оказываются типологически различными, что препятствует их конвергенции. Западная модель предполагает приоритет индивидуальных ценностей над коллективными, тогда как восточная модель, напротив, ставит на первое место коллективные ценности, предполагая государственную опеку над экономической жизнью. Если в рамках западной цивилизации приходится уповать прежде всего на юридический закон, то в рамках восточной цивилизации на первое место выходят требования справедливости. Отсюда видна сложность и трудность смешения западных и восточных типов жизнеустройства.

Безусловное доминирование государственной формы собственности мы готовы считать признаком особой цивилизации – социализма. Между тем такой цивилизацией был уже Древний Шумер, возникший в «поясе плодородия» на берегах Тигра и Евфрата. Это не мешало развитию личного подсобного хозяйства и торговле продуктами этого хозяйства. Имущество физических лиц было надежно защищено законами (Кодекс Хаммурапи). А в Древних Афинах, например, ремесло и торговля считались недостойными занятиями. Ремесленники и торговцы лишались права занимать государственные должности. Позднее католическая церковь осуждала стремление к обогащению, запрещала кредитные операции. Кредит считался аморальным делом. С наступлением капитализма ситуация изменилась. В социально-трудовой сфере установилась дискредитация и жесточайшая эксплуатация рабочей силы. В отношении людей труда предприниматели не были связаны какими-либо моральными обязательствами. Риск потери работы был очень велик. Более предпочтительным стал труд женщин и детей в силу его дешевизны. Среди фабричных рабочих мужчин старше 18 лет было меньшинство¹³.

Тот факт, что ныне уровень жизни в развитых капиталистических странах (США, Канада, страны Западной Европы) довольно высок, отнюдь не свидетельствует о совершенстве частнособственнической системы. Хвалить последнюю особенно не за что. И дело

---

¹³ Всемирная история: в 10 т. / под ред. Ю. П. Францева. – Т. 6. – М., 1959. – С. 152.

не только в сохранении наемного характера труда, а главным образом в том, что созданные финансово-экономические механизмы позволяют осуществлять скрытые формы колонизации развивающихся и слабо развитых стран. Социализм в России оказался менее податлив и поэтому не устраивал Запад. Понадобилась перестройка, чтобы сделать Россию ресурсно-сырьевой колонией Запада.

Есть и иной момент. В свое время стремление высшей партийной номенклатуры завладеть собственностью подвигло ее на разрушительные реформы. И действительно, наиболее крупными собственниками в 90-е гг. XX в. стала элитарная часть партийно-советских и хозяйственных органов. Если бы такая возможность была исключена, то и победа капитализма в России была бы невозможной. Компартия Советского Союза была использована в качестве тарана для разрушения мировой социалистической системы, хотя на первый взгляд это кажется парадоксальным¹⁴. В соответствующей поддержке Запада тоже не приходится сомневаться.

Существует мнение, что дезорганизация в обществе направлена на глобализацию и уничтожение национальных государств¹⁵. Причем феномен дезорганизации есть свидетельство возрастающей сложности социальных систем. Возникает своеобразное сочетание порядка и хаоса, в котором восстановление равновесия происходит за счет иерархии ценностей и норм, но в то же время почти всегда порождает дальнейшие непредвиденные последствия. С. Кравченко полагает, что в качестве примера непредвиденных последствий может служить внезапный развал социалистической системы при попытке усовершенствования коммунистической идеологии М. С. Горбачевым в духе «нового мышления» и «общечеловеческих ценностей»¹⁶. Пример, к сожалению, не является удачным, поскольку огромное число публикаций выявляет существование планов развала социализма. Причем в этом развале компартия СССР в лице ее «верхушечной» части принимала самое активное участие. Ссылка на усложнение общественных систем выглядит скорее как способ маскировки антисоциальных усилий мировой

¹⁴ Фроянов И. Я. Отступить некуда, позади страна // Вестник Петровской академии. – 2011. – № 2(19). – С. 6.

¹⁵ Кравченко С. А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // СоцИс. – 2012. – № 5. – С. 20.

¹⁶ Там же. – С. 22.

элиты в условиях нарастающей информатизации общества. В этом ключе как раз и действуют социологи Запада Дж. Урри, Ч. Перроу и др. Не случайно С. Кравченко пишет о необходимости в разработке модели управляемой открытости и системном воздействии.

Нынешняя капитализация России является важным элементом в построении нового мирового порядка. В свое время Л. Троцкий ратовал за мировую революцию на базе государственно-капиталистической системы. Теперь внесена поправка в пользу частнокапиталистической системы. При этом Россия и ее народ с его самобытной культурой подлежат безусловному уничтожению. Характерное для русского народа доверие к верховной власти может оказаться роковым. Россия способна противостоять внешним врагам и быть бессильной против врагов внутренних. Ослабленная Россия становится неспособной защитить себя также и против внешней экспансии. А ситуация ныне сложилась весьма непростая: с запада нам угрожает НАТО, с востока – Китай, с юга – радикальный ислам.

Надо сказать, что экспансивный характер капитализма явно недооценивался в свое время марксизмом, полагавшим, что этот общественный строй обречен на загнивание. Монополистическая стадия капитализма, с которой связана концентрация капитала, как раз и является свидетельством неизбежности финансовой агрессии. Одним из проявлений этой агрессии являются транснациональные компании (ТНК), стремящиеся подчинить мир своей воле. Борьба государств против злоупотреблений в развитых капиталистических странах, о которой говорит Е. Примаков¹⁷, позволяет некоторым образом сдерживать негативные проявления концентрации капитала в отношении самих стран Запада. Таким путем удастся поддерживать положение так называемого среднего класса. И вовсе не случайно, по мнению Примакова, больше половины ВВП в развитых капиталистических странах создается малыми предприятиями.

В России в настоящее время стало модным говорить и писать об инновационной экономике. Однако российские компании не торопятся вкладывать свои средства в научные разработки и их вне-

---

¹⁷ Примаков Е. М. В чем постулаты марксизма-ленинизма не выдержали столкновения с реальностью, с жизнью? (Лекция в МГУ 27.04.11) // Вестник Московского университета. – Серия 12. Политические науки. – 2011. – № 2. – С. 8.

дрение. По данным Минэкономразвития, в России на 2008 г. зафиксированы 9,6 % предприятий, которые разрабатывали и внедряли у себя технологические инновации. Для примера, в Германии таких предприятий насчитывается 73 %, в Бельгии – 58 %, в Эстонии – 47 %, в Чехии – 41 %. В России же пока считается, что задача финансирования исследований лежит главным образом на бюджете. К этой традиции мы привязаны издавна.

Изменения, которые происходят в современном капитализме, объясняются прежде всего борьбой трудящихся за свои права. В этом смысле изменения носят насильственный характер. Государство, улучшающее социальные условия жизни людей, действует по принуждению. И это можно рассматривать как признак несовершенства сложившейся общественной системы. Общество остается противостоящим человеческой личности. По мере усложнения общества такая ситуация становится все более нетерпимой, чреватой катаклизмами.

Тем не менее нынешняя Россия пытается внедрить у себя прежде всего западные ценности, пренебрегая своим историческим прошлым, достаточно прочно связанным с восточной моделью экономики. Даже тогда, когда в России была частная собственность, рыночная экономика существовала под контролем государства. Ныне эта историческая особенность России закономерно привела к невиданным масштабам коррупции¹⁸. Государственная администрация (включая верховную власть) скупается в интересах российских олигархов. Столь же закономерным является уход от социальных проблем. Власть оказывается функцией капитала, уходя от регулирования общественных процессов. Государственная элита надеется, что огромная страна с евразийскими особенностями общественной жизни может быть удержана от процессов разложения и распада с помощью рынка. Евразийские особенности России понуждают нас в большей степени, чем другие страны, к созданию кооперативных хозяйственных систем, по отношению к которым прекращается диктат как частной, так и государственной собственности, а принцип коллективизма обретает свой истинный смысл.

---

¹⁸ Шевченко В. Н. Российское государство. Освоение евразийского пространства // Философские науки. – 2011. – № 9. – С. 43–44.

В свое время большевизм формально провозглашал коллективизм, предполагающий коллективное подчинение партии и государству. Демократический индивидуализм еще хуже, он требует подчинения работодателям, интересам бизнеса. Это понимал, в частности, правовед и философ П. И. Новгородцев, мечтающий о духовности («власти святынь») как основе общественного устройства¹⁹. Пора понять, в чем заключается главное богатство любого государства. Таким богатством является человек, подчиняющий свою жизнь духовно-нравственным установкам и ценностям. Для такого человека общее благо становится превыше всего. Возрождение культуры и нравственности в обществе – главный мотив коллективных усилий, а не реформы экономики и политической системы. Реформы эти должны идти следом, а не диктовать будущие модели жизнеустройства, как это полагали представители марксизма.

В современной России государственная служба перестает служить государственным интересам, превращаясь в некий вид бизнеса по предоставлению государственных услуг. Чиновники спокойно торгуют этими услугами, что является признаком деградации государственных институтов. Данный вид торговли мы называем коррупцией, чем-то незаконным, хотя он является естественным продолжением рыночной модели жизнеустройства. Диктат экономических законов над юридическими законами был всегда, и с этим ничего не поделаешь.

Один из признаков ухудшения ситуации в России – вывоз огромного количества финансовых средств за пределы российского государства. Данный вывоз выглядит нелепо, доказывая антинациональный смысл российской экономики. К этому добавляется практически полная зависимость России от импорта разнообразных видов продукции, включая даже те, по которым в недавнее время страна занимала передовые позиции в мире. Народ России теряет огромное количество средств, переходящих в распоряжение частных лиц. Причем эти явления происходят на фоне роста федерального бюджета, который в первое десятилетие XXI в. увеличился примерно в 15 раз. Любопытный факт: если в 2000 г. на долю

---

¹⁹ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. – М., 1991. – С. 579–580.

долларовых миллиардеров в России приходилось 4,9 % ВВП, то в 2010 г. – 28,9 %²⁰.

Впечатляют также масштабы коррупции, являющейся своеобразным инструментом перераспределения финансовых средств в руках административно-управленческого аппарата. В конечном счете Россия заметно слабеет в социально-политическом отношении. Это хорошо показывают события в Южной Осетии, когда Россия в августе 2008 г. оказалась перед лицом угроз со стороны Грузии и тем не менее не получила должной поддержки со стороны Совета Безопасности ООН. Эти события показали, что Россия фактически утратила уважение со стороны многих государств, что ее уже никто не боится и с ней особенно не считаются.

Масштабы оттока капитала из России (около 200 млрд долларов) свидетельствуют о том, что в нашей стране его местонахождение нецелесообразно, рискованно. Более того, мы теряем большое количество природных ресурсов, нарушаем принципы экологии. Например, утрата лесоохраны в связи с введением нового Лесного кодекса РФ (с 1 января 2007 г.) привела к катастрофической ситуации с лесными пожарами. Судьбу природных ресурсов отныне решают вопросы прибыли. При этом отбрасываются в сторону экологические и моральные требования.

Второе десятилетие XXI в. явилось для России кризисным. Труднопреодолимая ситуация, охватившая многие стороны жизни, к тому же усугубляется мировым финансовым кризисом. Наступила пора осознать пагубность капиталистического пути развития и недопустимость возврата к административно-командной системе. Причем никакая комбинация из частной и государственной форм собственности нам уже не поможет. При нынешних возможностях науки и технологий общественное устройство просто обязано реконструироваться самым решительным образом. В противном случае многие новейшие изобретения станут губительными, усугубляя накопившуюся массу трудностей социального и нравственного порядка. Сложившееся социально-экономическое устройство попросту не сможет «переварить» эти трудности. Погоня за прибылью ныне становится не просто бессмысленной, но чреватой обрушени-

---

²⁰ Кисельников А. А. Новейшая история России (1985–2011 гг.). – Новосибирск, 2012. – С. 138.

ем всей системы жизнеустройства. Социально-нравственные факторы наконец-то выходят на авансцену. Становится все более очевидным, что становление духовно-нравственной цивилизации связано с гармонизацией человека и общества в рамках самоуправляемых (кооперативных) систем. Это дает единственную возможность покончить, наконец, с наемной формой труда и достичь идеалов свободы личности, о которых любят много думать и писать, ориентируясь, к сожалению, всего лишь на свободу частной собственности и частного бизнеса.